

УДК 947(470)
ББК 63.3(2)52-21

А.П. ЯРКОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАН АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Исследуются особенности исламской экономической культуры в пространстве Сибири и Дальнего Востока. Это актуально в связи с призывами радикальных исламистов отказаться от предшествующего опыта взаимной выгоды сторонников ислама и других жителей суперрегиона.

Ключевые слова: экономическая культура, ислам, Средневековье и новейшее время, диалог культур.

A.P. YARKOV

ECONOMIC CULTURE OF MUSLIMS OF THE ASIAN PART OF RUSSIA IN THE PANORAMA OF THE AGES AND CIRCUMSTANCES

Explores the peculiarities of Islamic economic culture in the space of Siberia and the far East. This is relevant in connection with calls for radical Islamists to abandon previous experience mutual benefit supporters of Islam and other inhabitants of superregiona.

Keywords: economic culture, Islam, middle ages and modern times, dialogue of cultures.

Экономическая культура имеет длительную историю и местные факторы, что связано, например, с количеством ресурсов, значительно превышавших потребности. Это уменьшало напряжение в социуме.

Традиционное хозяйство местных жителей было комплексным, но слабо связанным с другими районами исламского мира. Изменения связаны с появлением купцов, в том числе мусульман, пришедших с караванами из Поволжья и Центральной Азии. Между тем в Исторической энциклопедии Сибири изложено мнение, что «В Сибири купечество начало формироваться на рубеже XVII–XVIII вв.» [5, с. 235].

Ментально-психологический тип купца — мусульманина, значительно лучше (чем власть) знающего потребности населения, но подчиняющегося определенным правилам поведения, стремящегося распространить знания об исламе, отразилось в экономической культуре Северной Азии. Но международная торговля, ранее опирающаяся, в основном, на северное ответвление Великого Шелкового пути, стала слабнуть с 1340-х гг. под влиянием политических и эпидемиологических факторов

[7, с. 105–112]. Экономическая культура по-прежнему стала базироваться на внутрирегиональном натуральном обмене, а редкие (отныне) караваны из мусульманских стран не привели к заимствованию принятых там моделей.

По включению территорий в систему подчинения Москве местные жители осознали, что русские и их союзники действуют не только методами войны с использованием огнестрельного оружия, но имеют политико-дипломатический опыт в нейтрализации последствий объединения явных или потенциальных врагов. Так, царь Федор Иванович тюменскому воеводе приказал осуществлять прямой надзор над купцами и ремесленниками, прибывавшими из Бухары и Ногайской Орды: «...а того б есте над ними смотрели и берегли накрепко, чтоб они заповедным товаром доспехи и пансири и соболями и ножи и топоры с юртовскими и яшашными татары не торговали ... и с русскими и с татары опричь торговли некоторых разговорных речей не говорили и нужи б они сибирские некоторые не ведали» [2, с. 40].

Внутренняя политика государства напрямую связана со стратегическим положением края, через который осуществлялась торговля России с другими странами. Поэтому вопрос стабильности требовал осторожности в отношениях с пришлыми купцами, о чем говорилось в царской грамоте татарскому воеводе Ф. Елецкому 1596 г.: «...никаких таможенных пошлин с них имети не велели и береженье и ласку к ним держали великую» [4, с. 238–240]. В результате бухарцы, в отличие от сибирских единоверцев, свободно перемещались по Евразии, добирались до Китая, Астрахани и Архангельска, попутно обеспечивая духовные потребности единоверцев. От мелочной торговли поднимались до уровня купца 2-й гильдии и, в единичных случаях — 1-й гильдии, занимавшихся и предпринимательством, где состав рабочих был полиэтничным.

Заимствование либеральных ценностей частной собственности, рынка и конкуренции не были приняты механистично купцами из мусульман. Но именно они поспособствовали внедрению в умы соплеменников новой картины мира, ранее ограниченной окрестностями и астана. Мифы о «Священной Бухаре» сменились реальными рассказами побывавших там, как, впрочем, и в Индии, Китае, на Ближнем Востоке. Имена легендарных правителей и подвижников ислама (Багауддина, Кучума и др.) дополнились именами современников — купцов, немалую часть прибыли направлявших на помощь единоверцам. У тех, в свою очередь, на смену фатализму пришла уверенность в собственных силах, ведь рядом — пример успешности и достижительности, не противоречащей образу идеального мусульманина.

Купцами среди мусульман были не только бухарцы: к примеру, родоначальником сибирских татар Амировых — казах Кудайберди, выкупленный тарским бухарцем-муллою из джунгарского плена, о чем с бла-

годарностью помнили все его потомки, а С. Уркин, в XVIII в. имевший большой капитал и торговавший с Китаем — выходец из казанских татар. Иных мусульман из купцов (как и служилых татар), клявшихся на Коране «исправлять честно службу», «лучшие» посадские люди выбирали в таможенные головы и целовальников (ответственными за отпуск вина).

Предпринимательская деятельность большинства мусульман не выходила за пределы мелкотоварного оборота. Если в первой половине XIX в. в Томске выделялись, как крупные дельцы, купцы Вахитовы, то в конце века среди 89 купцов там не было ни одного мусульманина. Возможное объяснение: в тот период многие переезжали в сельскую местность. Немного — 0,87 % мусульман Бурятия составляли купцы (из них половина — 15 чел. — в Верхнеудинске, составляя 6,2 % городского купечества), но они играли важную роль в жизни города и уммы. Так же, как и тюменские купцы клана, объединенного в Торговое товарищество «Валики Ильчигулова наследники» [8, с. 150].

Известны династии бухарцев — купцов и меценатов из ю. Ембаевских Сейдуковых, представленных в учетно-ссудном комитете отделения Государственного банка в Тобольской губернии. Характерно, что при характеристике Н. Сейдукова руководство тюменского отделения Сибирского торгового банка отметило, что ростовщичеством он «не занимается», а «торговлю сокращает, посвящая все свое время делам благотворительности среди своих соплеменников». В разные годы в состав тобольского и тюменского комитетов того же банка входили Т.С. Ай-тмухаметов, М.-А.А. Мирсалимов, А.-К.М. Муртазин, М.С. Ченбаев [1].

Замечено по купцам-мусульманам г. Тобольска (1901), что, занимаясь торговлей, «не сочли нужным научиться русской грамоте» [6, с. 71–74], хотя на татарском языке читают и газеты, и книги. Это приводило к тому, что, с одной стороны, татарам были недоступны правительственные распоряжения, касающиеся их быта, а с другой стороны, не умея прочесть русский текст сами, «они не всегда могут доверять русскому, ...когда затрагиваются их интересы» [9].

Исламская экономическая модель предполагает, в идеале (как в христианстве и иудаизме) концепцию — первичным, истинным собственником является Бог. Поэтому в условиях «религиозности» российской государственности и большей части социума, бизнес мусульман в крае развивался не в отрыве, а в русле общих тенденций, хотя трудно вычленишь объем торгового капитала мусульман. Одновременно признаем, что банковская система у них отличалась специфическим характером. В частности, при наличии собственности у мусульман, банки не должны применять договора залога, поскольку право собственности — залог по определению. Очевидно, что предприимчивые мусульмане-сибиряки стремились сохранить в неприкосновенности религиозные ценности и постулаты, приспособиваясь к правилам бизнеса, распространенным в

стране. Они не занимались ростовщичеством, но получение кредитов не возбранялась, а для привлечения мусульман с 1899 г. по сберегательным кассам рассылались специальные брошюры на татарском и казахском языках [8, с. 150]. При этом учитывалась специфика исламского сообщества. Тем более что в том году появилась фетва М. Абдо, разъяснившего: получение кредита на банковские вклады не тождественно греховному ростовщичеству.

В советское время формой «исламской экономики» можно считать полугалетную торговлю халялем и поставку иной ритуальной продукцией.

Ситуация изменилось в начале 1990-х гг. и связана не столько с развитием собственных бизнес-структур, сколько с деятельностью прибывших арабов и турков, которых первоначально воспринимали как «старших братьев», подразумевая не только экономическую мощь их стран, но и авторитет в вопросах веры. Активны были: Всемирный исламский университет, фонды «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим», «Дар уль Бир», «Хаят аль Игаса», «Уфук» (иные заподозрены в финансировании боевиков, радикализации молодежи и потому их деятельность свернута), предприниматели из Пакистана, Судана, Кувейта и Катара (приезжавшие в Сибирь), пытаясь развить здесь свое дело, одновременно активизируя религиозное влияние.

В желании установить деловые связи на равноправных условиях в 1992 г. в Кемеровской области при участии А.Г. Тулеева создан Исламский акционерный коммерческий банк, просуществовав около года. Затем пиетет сменился на взвешенное отношение сибиряков к предложениям по «исламскому бизнесу» (как и к религиозному образованию за пределами страны) [3, с. 235].

Ныне в Азиатской части РФ мусульманами по происхождению (или убеждению) развивается самостоятельный бизнес, часть доходов от которого направляется на нужды малообеспеченных сограждан, и не только единоверцев. «Исламским предпринимательством» можно считать изготовление и продажу в магазинах и павильонах религиозной литературы, украшений, одежды, халяльной продукции, а также обслуживание похорон, свадеб и иных мероприятий.

Список использованной литературы и источников

1. Вычугжанин А. Л. Мусульмане в банковских операциях Тобольской губернии / А. Л. Вычугжанин // Сулеймановские чтения : мат. XV-й Всерос. науч.-практ. конф. — Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. — С. 46–50.
2. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. / Х. З. Зияев. — Ташкент : Фан, 1983. — 167 с.
3. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 3. Трансформация уммы в XIX–XXI вв. — М. : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. — 444 с.
4. История и культура сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века : краевед. пособие. — Казань : КГУ, 2010. — 31 с.

5. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. — Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. — Т. 2. — 727 с.

6. Муратова С. Р. Особенности развития торговли в приграничных крепостях на южной границе Западной Сибири в XVIII в. / С. Р. Муратова // Сибирский сборник. — Вып. 3. — Курган, 2015. — С. 71–74.

7. Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири : в 2 ч. — Омск : Ом. гос. ун-т, 1995.

8. Старцев А. В. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII — начало XX вв.) / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Азбука, 2010. — 214 с.

9. Хитров А. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки [Электронный ресурс] / А. Хитров. — Ирбит : Тип. А. А. Дробинина, 1872 // Президентская библиотека. — Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/417160>.

Информация об авторе

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра противодействия идеологии экстремизма и терроризма, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: ayarkov@rambler.ru.

Author

Alexander P. Yarkov — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of Expert Scientific Center of Counteraction of Ideology of Extremism and Terrorism, Tyumen State University, 6, Volodarskii St., Tyumen, 625003, e-mail: ayarkov@rambler.ru.